

ИСПЫТАНО НА СЕБЕ

✍ Александра ТОКТАРЁВА 📷 Алина МИХАЙЛОВА

Здравствуй, небо в облаках

Как мы летали на трёхколёсной тележке с моторчиком

Я тряусь в автобусе, глядя сквозь пятна на стекле в небо. Скоро я поднимусь туда на незнакомом до этого дня аппарате со звучным названием паратрайк и увижу пригород Белгорода с высоты птичьего — паратрайкового! — полёта.

НА МЕСТЕ СТАРТА

Место сбора — Шагаровка. За мой сегодняшний полёт отвечают два человека. Геннадий Анохин занимается организационными вопросами — именно ему я обрывала всю прошлую неделю телефон, уточняя мельчайшие детали предстоящего события. Александр Волошин — пилот и создатель паратрайка, на котором мне предстоит подняться в белгородское небо. Терпеливо ожидающий в стороне аппарат построили совсем недавно, в этом году, но он уже не раз покорял воздушные просторы и даже претерпел несколько трансформаций: например, пассажирское место после нескольких полётов перенесли вперёд. Анохин объясняет: конструкция паратрайка должна быть в первую очередь удобна пилоту, потому что именно он отвечает за безопасность и должен всегда держать ситуацию под контролем.

— Моя полётная история началась ещё в детстве: у меня был друг, который занимался авиамоделированием, я делал модельки вместе с ним. Потом в армии собрал дельтаплан — и понеслось, — рассказывает Александр Волошин. — Столько лет прошло, а мне это не перестает нравиться. Даже когда взлетаю с пассажирами, на самом деле я лечу для себя. Это эмоции, которые не надоедают.

Испытать их при желании может практически каждый. Основные требования — сознательный возраст (хотя бы 16 лет) и вес не больше 90 кг, иначе аппарат не сможет набрать необходимый разгон. Летать лучше осенью или весной, когда требуется меньше прогрева, а воздух наверху спокойнее.

— А это не опасно? — тревожусь я, оглядывая конструкцию: несколько металлических трубок, два кресла, подстрахованные не слишком внушительными ремнями безопасности, разложенный на земле парашют. Выглядит не слишком надёжно.

— Если мотор вдруг и заглохнет наверху, ничего страшного не произойдёт. Аппарат какое-то время будет парить, так что хватит времени аккуратно его посадить, — успокаивает меня Волошин. Но я всё-таки надеюсь, что проверять достоверность его слов мне не придётся.

С виду — обычная тележка с моторчиком

ГОТОВНОСТЬ НОМЕР ОДИН

Наш старт задерживается: погода не сразу благоволит мечтателям о небе. Приходится ждать. Зато для соседей по взлётному полю — раздолье: кто-то запускает кайт — большой воздушный змей. Неподалёку в тёплых воздушных потоках ловко маневрирует радиоуправляемый планер.

— Вроде ветер успокоился, можно лететь! — кричат нам.

— Лучше ещё немного подождём. Она же лёгонькая совсем, — показывает на меня пилот.

Окружающие кивают, задумчиво поглядывая на меня. Кого-то осеняет идея:

— А давайте ей мелочи по карманам распахиваем для утяжеления!

К счастью, от превращения в Скруджа Макдака меня спасает то, что ни у кого из присутствующих не оказывается плотно набитого кошелька — сплошь банковские карты. Безналичный мир Белогорья, я люблю тебя! В качестве компромисса вешаю на шею фотоаппарат: как мини-балласт он вполне сгодится.

Мне протягивают гигантскую лётную куртку — надеваю и тону, из рукавов торчат только кончики пальцев,

Основные требования — сознательный возраст (хотя бы 16 лет) и вес не больше 90 кг, иначе аппарат не сможет набрать необходимый разгон. Летать лучше осенью или весной, когда требуется меньше прогрева, а воздух наверху спокойнее.

Инструктаж перед полётом

Важно, чтобы шлем плотно прикрывал уши

чувствую себя в ней космонавтом со старых фотографий, внушительным и неповоротливым. Самое то, чтобы торжественно прошествовать к летательному аппарату, занять своё место и решительно махнуть рукой — поехали! Ощущение близости к Гагарину только усиливается, когда на мою голову водружают шлем. Анохин помогает застегнуть его под подбородком и предупреждает:

— Наушники должны прилегать к ушам максимально плотно, чтобы перекрывать шум мотора и ветра.

Пока они сдвинуты, мне проводят краткий инструктаж: при взлёте и посадке крепко держаться за поручни и не высовывать ноги-руки. Наверху можно сидеть как угодно, главное — не отстёгивать ремень и не сильно крениться по сторонам, чтобы не нарушать баланс. Если вдруг поплочет — постучать по правому колену пилота.

— Всё понятно? Тогда поправляй наушники как следует — и вперёд!

Скорее уж вниз — когда я опускаюсь на пассажирское место, все вокруг сразу оказываются значительно выше, снисходительно смотрят мне в макушку. Но я знаю точно, что это ненадолго. Пристёгиваюсь ремнём безопасности и вцепляюсь в поручень. Пилот, давно занявший своё место позади меня, произносит что-то в передатчик на шлеме. Я вижу, как все отходят в сторону, и понимаю — сейчас будет старт! Прикрываю глаза, ведя про себя обратный отсчёт: десять, девять, восемь, семь...

До конца досчитать не удаётся: на цифре четыре мы резко начинаем разгон. Ветер бьёт в лицо, край взлётной площадки всё ближе — а вдруг не взлетим?

Чувствую, трясутся поджилки — и это даже не фигура речи. Потому что трясётся вообще всё: работающий мотор запускает вибрации по всему аппарату, которые отдают в руки, ноги, туловище.

Врежемся в высокую траву, подпрыгнем на кротовых норах, в моторе запутается полынь. За несколько секунд, пока мы мчим по земле, в моей голове сменяется

миллион мыслей и образов — наверное, это и есть то самое «вся жизнь промелькнула

перед глазами». Чувствую, трясутся поджилки — и это даже не фигура речи. Потому что трясётся вообще всё: работающий мотор запускает вибрации по всему аппарату, которые отдают в руки, ноги, туловище.

Паратрайк нервно подпрыгивает несколько раз и резко уходит вверх. Свист ветра не скрадывают даже наушники, куртка плотно облепляет тело, рукава надуваются фонариками. Здравствуй, небо!

ВЫШЕ ДОМОВ

Мы набираем высоту всего за несколько секунд и кружим над стартовым полем. Сверху оно выглядит небольшим прямоугольником, словно вырезанным из шершавого картона — проведи пальцем, негромко зашуршит. Команда поддержки смотрит на нас, задрав головы, я радостно им машу. А потом мы летим дальше — к горизонту, и всё пропадает.

Это совсем не так, как на самолёте: там, с высоты километров, всё наземное сливается в лоскутный плед, без подробностей, одни цветочные пятна. А здесь видно каждую мелочь, каждого человека, каждую клумбу и тропинку. Только всё крошечное, словно на искусно сделанном макете, в который всматриваешься и с каждой подмеченной деталью всё сильнее восхищаешься мастерством автора. По тонким доро-

С высоты паратрайкового полёта

гам куда-то мчатся разноцветные машины, каждая — размером с ноготок на мизинце. Под нами — частный сектор, словно конструктор, где что-то собрано до конца — забор, крыша, даже беседка рядом, а где-то — только фундамент и гора кирпичей-деталек. Сейчас мне не преграда никакие заборы, я подглядываю за обрывками жизней: кто-то несёт вёдра по двору, кто-то жарит мясо — дым вьётся, его тоже тянет в небо, но до нас ему далеко.

— Наша высота — 150 метров! — Кричит мне на ухо пилот и стремительно ведёт паратраjk вниз. Мы летим над землёй низко, почти касаясь колёсами зарослей травы и кустов. Во все стороны то и дело разлетаются перепуганные птицы, громко верещат, предупреждая собратьев: идёт страшная машина, скорее спасайтесь! Лишний раз страшать пернатых не хочется, поэтому мы снова набираем высоту. Смотрю налево — вдалеке виднеются величественные силуэты аэростатов: у них вечерний облёт владений, такой же, как у нас. Подлететь бы поближе, понимающе кивнуть друг другу, но мы сворачиваем в сторону, мимо поля подсолнухов и россыпи оврагов, над большим знаком «Я ♥ Белгород».

Чёлка выбивается из-под шлема, лезет в лицо, щеко-чет скулы. В какой-то момент я совершенно забываю, что рядом — пилот, что над моей головой длинный парашют, а позади ревёт мотор. И опускаются руки, не до фотографий: этого чувства не передать никакими камерами, а размениваться на пустые снимки не хочется. Не хочется тратить секунды полёта на настройку фокуса, смотреть на всё через окошко объектива — не то. Сейчас есть только я, небо, дрожащая линия горизонта далеко впереди и малиновое солнце. И, кажется, вырастают крылья.

Губы сами собой растягиваются в улыбку — она будет со мной до конца полёта и даже чуть дольше: по дороге домой я буду не в силах убрать её и засыпать буду, так же счастливо улыбаясь. И снится мне будет небо, ветер в лицо и ощущение бесконечной свободы. ◦

Со стороны это выглядит довольно забавно